

Замельтешат муравьи по деревьям:
 Божья им пища — листва!
 Веком забытый говор деревни
 я различаю едва.
 Разве за кружкой, за горькой разлукой,
 за удивленьем «ты — Смерть?»
 двери откроются... Прежние звуки
 мне бы запомнить успеть!

«Эй, Аграфена, неси-ка балакирь:
 кума лечи молоком...»
 Зовы любви, добродушия знаки
 в воздухе тают пустом.
 «Челяди царской — волчьей ораве —
 нужен осиновый кол...»
 Это деревня в новом составе
 прежний играет футбол.

В воздухе мрежи висят, и оконцу
 луч уловить не с руки.
 Мечет рубанок сосновое солнце —
 стружки пахучи, легки.
 Жаждой томима, к началу обеда
 ива стучится в окно.
 У самовара — живая беседа...
 Звуками небо полно.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Б. Дугаржапову

Опять на восток, за последний кордон поселений,
туда, где равнины Монголии, вольное ржанье коней,
туда, где любовь и молитва — прекрасные сени,
ведущие вглубь пожелтевших от дум букварей.

Возьми меня, полдень, в свои золотые ладони
и теплому небу опять и опять покажи!
Я в этих степях с Богдыханом когда-то долдонил
и спал с поселянкою в мягко постеленной ржи.

И стрелы летели, и бег становился судьбою,
когда по указу метали, и ты уходил от погонь,
а после, а после, к живому припав водопою,
ты пил из лоханки луны благодатный огонь.

В Монголии мягко живется и радостно спится,
и тень моя бродит среди спекшейся к лету травы,
и шелком китайским, и русским струящимся ситцем
опять перевязано горло у грешной молвы.

И снова Баир, испытующим глазом нацелясь
на вечность, на дружбу, выводит меня на простор,
где каждому соль вручена и подарена цельность,
и лучшая песня струится с языческих гор.

* * *

Ты из прошлой жизни уходила,
как дымок прощается с трубой:
вся твоя неведомая сила
пожелала, видно, быть со мной.

Да и я с тобой стелюсь туманом
в чистом поле, где не спят стога.
Ты сырому воздуху желанна
и рассветной дымке дорога.

Прижились, друг в друге растворились,
как вода весенняя в воде.
Если люди в первый раз влюбились,
правды не найти уже нигде.

Посидим. Нет расставанья боле,
смерти нет, и вдаль ведут следы...
Выпросила ты меня у поля,
выпросил тебя я у звезды.

Из тишины моей кроткой Отчизны,
маминых слез, обветшалою любви
Ангелы сделали тонкую линзу —
катят ее по дорогам земли.

Блеском она окликает деревню,
манит в зеленую даль ветерком,
душу ласкает, внушает доверье
мальве, цветущей под каждым окном.

Вон, докатили уже до Алтая,
в речке купают ее, как коня...
Милые Ангелы, просьба такая:
дайте зажечься огню от огня!

Фокус ее — лебединое пенье
в бурном потоке горной реки,
ниткой скользнувшее откровенье
в сердце живое — с Отчизны руки.

* * *

Между голосом и дыханием
пролетают века клубничные,
померанцевые, нахальные,
в меру — общие, в меру — личные.
Вот напевы небесной вотчины,
вот эстрада пятикопеечная,
где любые гланды — просрочены,
где любая свобода — вечная.

Жизнь растягивается, сужается,
словно гусеница-путешественница,
а внизу спозарань смеркается,
а вверху — золотая лестница.
Между голосом и дыханием
много весен и зим простуженных.
Векования, волхования,
тишина родников разбуженных.

ИЗ АЛТАЙСКОГО ДНЕВНИКА

Жен-мироносиц на небе вечернем считая,
жить бы да жить в этих горных безлюдных местах!
Днем любоваться крышами пагод Китая,
ночью Монголию видеть в раскованных снах.
Туго завернута этой страны оболочка
в русский характер, и ниткой прошита канва.

Чтит новгородскую вольницу каждая кочка,
ввысь поднимаясь, как врыта в песок голова.

Только на ранней заре частокол-копыеносец
в бой соберется, крикливых ворон не сочтешь!
В сон, как в залив, заплывает легко миноносец —
русская хата, собравшая всю молодежь.
Песни, гулянка, в соседок-подруг новоселье —
трех этих грешников всякое знает село!
Пьется легко, и по кругу расходится зелье —
в каждой кровинке, как царский солдат, залегло.

Кожа песчаной пустыни натянута туго
на горизонт, и неброскою жизнью полна.
Сойка, тушканчику мать, скорпиону — подруга,
волк и лисица, и чашкой молочной — луна.
В юртах под вечер звучит «Николай и Василий»,
лошадь уставшая, телетарелка и кот.
И разговоры о том, что поближе к России
нужно держаться, да Черный Бурхан не дает.

* * *

Алтая новая столица
здесь будет истинно стоять!
Несутся пламенные лица,
небесная несется рать.

Виденьем чудным очарован,
войти готовый в новый храм,
я низко кланяюсь коровам
и целомудренным горам.

И чтобы не была забыта
святая наша простота,
твержу, как чудную молитву:
«Чендек, Гагарка, Замульта!»

По воздуху несутся кони —
везут к Белухе ездока!
Луну и звезды на ладони
несет священная река.

И березняк, и темный ельник
здесь говорят под ветерком:
«Пошто стоишь, как пень, бездельник?
К вершинам путь тебе знаком:

через прилипчивые страсти,
минуя лени перевал,
тропой сердечного участия,
как Бог воскресший завещал».

Федору Боровикову

О, вздохи-выдохи апреля,
пернатые забавы лип!
И хорошо, что дудку Леля
зимой овраги сберегли.
По состоянью небосвода,
и хлебной мякоти бугров
легко узнать, что есть свобода
и океан без берегов.

Весна — как пальцы для узора
весна — как пальцы в табаке!
И хариус стремится в гору,
и рысь полощется в реке.
Еще крепка ночей прохлада,
но из могильников седых,
как призрак будущего сада,
исходит дух — аилов дых.

Тропою едем, хвост лошадки
пугает нежить по кустам,
и попугаем месяц сладкий
свой клюв протягивает нам.
Тебе, Алтай, я песню эту,
в горах ночуя, пропою
за сойки крик, за очерк света,
за горсть сухой травы коню.

* * *

Тот ли узор вышивают беспечные птицы
в небе, свободном от грустных осенних дождей?
Крестики-нолики, солнца холодные спицы —
вот и рисунок, запомни его на сто дней
зимних, суровых, но вовсе, мой друже, не грубых,
грабли забывших, зато посреди тишины
зорко глядящих в печные подзорные трубы —
спят или бодрствуют те, кому крылья даны?

Ибо распахнута-кресты и небес вышиванье,
сальто, круженье души среди зимнего дня
схожи с любовью, а ей не подыщешь названье —
крепче вай-фая и ярче живого огня!
...Зона молчанья. На окнах белеют узоры,
но приглядишься — пульсирует дым из трубы...
Скрипнет душа половицей, снежком у забора...
Крестики-нолики нашей с тобою судьбы.